

Вечером 19-го числа выпал снег. 20-го числа Бяньцзин покрылся серебром, а кристально чистый лед в разных формах повис на верхушках деревьев.

В прошлом снежные хлопья, словно гусиные перья, снова взлетали вверх, окрашивая мир в белый цвет.

Подняв занавеску и выглянув наружу, Линь Цинъюй прикрыл рот и ударил Хэча, после чего его потащили обратно.

Глядя на мужчину, который дергал за углы его одежды, сжимал его тело в объятиях и терся головой о ее грудь, Линь Цинъюй не мог удержаться от усмешки. Этот человек, чем старше, тем больше любит кокетничать, вспоминая прошлую ночь. После того, как ее напоил этот парень, она прожила уже более пятидесяти лет, а ее старое лицо даже не покраснело.

Когда этот парень с наследием Чжао Иньфэна и атрибутами эгё стал кривоногим!

"Сестра~" - произнес усталый зов, Е Ши поднял голову и зажал поцелуй между ее шеей, прислонился к ее плечу, пожал руку и прохладным кончиком пальца притянул к себе через воротник одежды. Когда он, поглаживая кожу, двинулся вдоль груди и живота, пока не добрался до маленького брата, гордо поднявшего голову, Е Шии издал низкий **** и его дыхание стало густым.

Нежно погладив горячего малыша, который кивнул ей, Линь Цинъюй сказала: "Не играй, я буду в особняке Хань позже".

"Это еще далеко, банкет по случаю дня рождения Ханя проходил в пригородной вилле". Его тело слегка дрожало, голос Е Си был хриплым и сексуальным, а в ее глазах появился слой тумана, когда она смотрела на нее. Глаза феникса сияли, она слегка облизала уголки своих розовых губ, одной рукой притянула ее голову и нежно поцеловала в губы, при этом задышав и неконтролируемым **** голосом, переполнявшим уголки рта. Подойдите и скажите: "Сестра, одиннадцать, это ведь твое заключение?".

Лицо Линь Цинъюй снова покраснело. То, что произошло прошлой ночью, не полностью ушло из его памяти.

После тщательного рассмотрения, кажется, что он все еще может видеть себя с очень **** странным выражением тети, поглаживая идеальное тело, вздыхая о его красоте, а затем злобно произнес слово запрет, что действительно..., какой позор!

На лице женщины показались два горящих облака, Е Ши негромко рассмеялся, ослабил пояс своей одежды, крепко обнял ее, и твердость под ним терлась о ее живот, держась при этом за мочку уха, она прошептала: "Сестра, мне очень нравится Одиннадцать. Моя старшая сестра сказала, что я хочу забрать Одиннадцать обратно, закрыть ее в темной комнате и запереть в кандалах, чтобы другие не могли видеть Одиннадцать или прикасаться к ней. Одиннадцать, я должен играть в одиннадцать каждый день, как вчера вечером, сестра~".

"Стоп!" Линь Цинъюй прервал его, покраснев так сильно, что мог бы поджарить яичницу, и немного оттолкнул свое близкое тело, его глаза потупились, и он сказал более серьезным голосом: "Забудь! Это все сон. Забудь меня скорее!"

"Я не хочу забывать!" Он повалил женщину на землю, и в том месте, где женщина не могла видеть, Е Ши показал на своем лице торжествующую улыбку и сказал: "Сестра сказала, если ты отправишься в мир сестры, пусть Одиннадцать будет твоим заточением, Одиннадцать

счастлива позволить моей сестре играть, Одиннадцать очень счастлива, Одиннадцать готова быть заточена моей сестрой, и всегда будет заточена моей сестрой..."

"Прекрати!" Искры появились на лице Линь Цинъюй, и эти слова о заточении вдавились в ее голову, как гора, и она закричала: "Прекрати говорить! Я знаю, прекрати говорить!"

Если ты продолжишь играть, боюсь, этот человек будет очень раздражен. Он поднял ее руку и погладил бесцестного младшего брата, одновременно глубоко целуя горящие губы, Е Ши крепко обнял ее и *** * После низкого рыка она высвободилась.

Он бросил на него беспомощный взгляд, и на лицо, полное счастья и красоты, не похожей на смертную, с туманной улыбкой и суженными глазами, Лин Цинъюй действительно не мог сердиться и мог только смотреть. Вдохнув, Линь Цинъюй посмотрела на одежду на своем теле: "Она вся грязная!".

Е одиннадцатый достал из шкафа в карете комплект одежды и ловко передел ее, заставив Линь Цинъюй ошарашенно смотреть на него долгое время, а затем стиснул зубы и сказал: "Е одиннадцать! Ты сделал это специально!"

Сороковой день рождения Хань Сяня, хотя снег уже летит, банкет в честь дня рождения особняка Хань все еще проходит на окраине горной деревни. Гости все еще похожи на облака перед горой. Чиновники также воспользовались возможностью приехать.

Идут слуги по монастырю перед горными воротами, и открывающийся перед ними пейзаж не может не поражать. Элегантные и изысканные павильоны построены на фоне горы, а коридор с девятью изгибами и восемнадцатью поворотами - рядом с озером, вырытым в низине. На нескольких холмах подряд посажены сливовые деревья. Среди белого снега одно дерево - как огонь, а белые сливы - как снег, как небо.

Вдоль набережной чиновники постоянно хотели подойти и поговорить друг с другом. Рот Ван Сюаньчжи наполнился улыбкой, и, вежливо поприветствовав собеседника, он двинулся дальше через мешающих служащих, пока не оказался в коридоре на склоне горы. Среди.

Банкетная сторона особняка Хань находится в длинном коридоре, который несколько раз оборачивается вокруг вершины горы. Снаружи красная слива гордится снегом, снег легкий, но в коридоре тепло, как весной. Каждое место в коридоре Лица разделены небольшим расстоянием, чтобы находящиеся внутри люди могли общаться и не прерываться.

Глядя на слуг, которые тихо отступили, и служанок, тихо стоявших рядом, рот Ван Сюаньчжи улыбнулся еще сильнее.

Как только он сел, он услышал, как кто-то рядом с ним сказал: "Я слышал, что все это устроено по проекту господина Мэй. Да, с таким тонким умом, это сын семьи. Даже если семья Мэй пала, пока господин Хань готов поддерживать его, я думаю, семья Мэй скоро поднимется".

Глаза Ван Сюаньчжи бессознательно опустились, и он снова взглянул на горный лес, тусклый, как сказочная страна под сильным снегом.

Отправив Чжу Вэя в дом, Хань Мян повернул голову и пошел к горным воротам. Он натянуто улыбался, приветствуя людей по пути, его лицо слегка расслабилось, но в душе он был задущен. Он был так занят, что даже не зашел домой. Су Ванъюнь сказала, что он хотел сделать ему сюрприз, но в ее сердце все еще жила радость, поэтому она ничего не спросила.

Он не ожидал, что вчера вечером его потащат на виллу, а потом она знала, что Мэй Чуци, по сути, разместит приглашение. Не говоря уже о Бяньцзине, он действительно стал такой моделью.

"Господин Мэй имел в виду, что мы больше не можем сюда попасть?" Смех от двери был прохладным, заставив Хань Мяо испугаться, он ускорил шаг и бросился к двери, увидев за дверью несколько человек в гаолю. Мэй Чуци, сидя на лошади и ведя за собой охранников, заблокировал дверь. Как только он собрался повысить голос, он услышал красивого молодого человека, стоящего у ворот горы, и сказал: "Дорогие генералы, сегодня мастер Хань. Сорокалетие - это день, когда можно отпраздновать с вами, но это слишком грубо для вас - войти вот так, с ножом?"

Лицо Хань Мяня внезапно опустилось, он отошел на несколько шагов и встал позади Мэй Чуци. В тот момент, когда он собирался заговорить, он увидел, как Гао Лю моргает глазами. После небольшой паузы он услышал, как кто-то кричит на горной дороге: "Тот, кто впереди! Дорога перекрыта!"

Такалю улыбнулся и уступил дорогу с двух сторон Гу Чэну и другим.

На горной дороге они бок о бок подошли к четверке верховых лошадей. Рыцари были крепкими, в серебряных доспехах и красных.

На карете, стоявшей в центре, не было никаких знаков, только линия ветряных колокольчиков висела на фиолетово-черной карете.

На лице Хана появилась слабая улыбка. Тот человек, который приехал сюда, чтобы объяснить, что он приехал не как император, а как глава семьи Линг, его лучший друг и доверенное лицо.

"Кто это приехал? Неужели перед особняком Хань можно вот так ездить на лошади?!" Мэй Чуци взглянул на теплую улыбку на лицах нескольких Гао Лю, которые отошли в сторону и закричали.

Все люди перед горными воротами были ошеломлены. Лица Гао Лю и остальных потемнели, в то время как остальные государственные служащие, которые были заблокированы дверным спором, выглядели скованными и смотрели как на дурака. Только что они все еще были полны похвалы. Подросток.

Красные одежды и серебряные доспехи могут носить так в Бяньцзине, и только армия Ракша, которая сейчас является императорской гвардией.

Ты глупый или нарочно?

Словно не слыша его голоса, конный отряд спокойно остановился перед горными воротами. Человек, ехавший рядом с повозкой, постучал по двери и сказал: "Господин, вот он". После этих слов красный плащ развевался на ветру. Мужчина спрыгнул с лошади, раскрыл бумажный зонтик без жира и стал ждать у двери повозки.

Через некоторое время дверь машины медленно открылась, и обнажился угол темно-красной рубашки, после чего он вышел из машины. Мужчина в темно-красной рубашке с длинными атласными волосами был небрежно закинут за голову. Закутанные, темные волны переливаются в глазах феникса, улыбки на уголках губ, ветер прекрасен и прекрасен в снегу.

Со звуком придыхания вокруг, мужчина обернулся и протянул руку, чтобы помочь женщине

спуститься.

Внезапно подул горный ветер, и снежинки в беспорядке взметнулись в воздух. На фоне ветра и снега женщина была одета в белый лисий мех, а ее волосы были просто собраны в пучок на затылке. Она улыбалась, когда говорила, и смеялась с человеком, стоявшим за ее спиной.

Яньань, позволила снежинкам упасть на ее лицо с нежным цветом.

Мужчина на земле в трех футах позади нее, один из которых был тонко одет в снег, вылетел великолепным заgrabным образом, а другой был одет в черную одежду, держа в руке зонт из прозрачной масляной бумаги, и сильно ударил женщину. Над головой.

Как и десять лет назад, женщина подошла с улыбкой, словно прошло больше десяти лет... Тогда, в тени света, у него был самый счастливый момент, самый уважаемый генерал и три неблагоприятных. Владыка, она от души смеялась, и даже снежинки смело летали.

Ли Янь пожалел...

"Почему вы все стоите у двери?" Линь Цинъюй закатил глаза и с улыбкой сказал: "Разве они все не ждут меня здесь, верно? Забегая вперед, скажу, что сегодня холодновато".

Хань Янь поприветствовал Мэй Чуци и ничего не сказал. Он просто отдал глубокий салют, а затем извинился перед Гао Лю, улыбнулся и сказал: "Разве они все здесь не ждут тебя, нет хозяина, как я могу быть Хань Янем сегодня? Сороковой день рождения?"

Лин Цинъюй взял инициативу на себя, и группа людей с улыбкой вошла в ворота.

Даже после того, как последний рыцарь в серебряных доспехах и красных одеждах вошел в дверь, Мэй Чуци размял ноги и упал на ступеньки, его спина была полностью мокрой от пота, а на лбу все еще блестел холодный пот. Этот человек! От одного взгляда на него, от его убийственной ауры, казалось, перестало биться сердце.

Это был Е Одиннадцатый...

Настоящий король!

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2574872>